

Генри Лайон Олди

Дуэль

*Часть сборника
Три повести о чудесах (сборник)*

Рассказы очевидцев, или Архив Надзора Семерых

Генри Олди

Дуэль

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Дуэль / Г. Л. Олди — «Автор», 2003 — (Рассказы очевидцев,
или Архив Надзора Семерых)

«– Томас Биннори? – переспросил молодой казначей.– Совершенно
верно!– Бард-изгнанник?!...»

© Олди Г. Л., 2003

© Автор, 2003

Дуэль

Из личной коллекции сплетен Эдварда II, литературная обработка Феликса Думинокфа, королевского сентенциографа. Копия с высочайшего позволения передана Гувальду Мотлоху, верховному архивариусу Надзора Семерых, для сохранения в веках. Публикуется согласно эдикту «О частичном просвещении», после письменного согласия частных лиц, имеющих касательство.

– Томас Биннори? – переспросил молодой казначей.

– Совершенно верно!

– Бард-изгнанник?!

Казначей звали Август Пумперникель. Был он молод, нагл и непосредствен, как всякий избалованный удачей юнец, а также талантлив, как дьявол. Подкидыш, безвестный сверток в приюте для сирот, тринадцати месяцев от роду Август по совокупности признаков был отобран скопцами-арифметами из Академии Малого Инспектрума, где и прошел восемнадцатилетний курс обучения. После чего, отказавшись от почетной кастрации, без которой место на кафедре Академии для выпускника запретно, Пумперникель вступил в должность главного казначей Реттии, был обласкан Эдвардом II, покровителем талантов, и возгордился сверх меры. Гордость молодого человека имела под собой основания. Август мог сосчитать капли в море и шерстинки в хвосте любимого ослика принцессы Изабеллы Милосской, вспомнить сумму недоимок по округу Улланд за позапрошлый год, с точностью до двух-трех грошей, и – о чудо! – без промедления указать текущую задолженность по выплатам столичным мусорщикам и золотарям.

Последнее удавалось прошлому казначею лишь после часа медитации.

Сейчас господин Пумперникель, впервые посетив знаменитые термы Кара-Каллы, место собрания первых людей королевства, блаженно кряхтел под пятками разговорчивого банщика, по совместительству – плясуна-массажиста. Любопытство обуревало казначея. После аскетизма Малого Инспектрума местная роскошь приводила душу в плохо скрываемый восторг, а нос задирался до небес, словно, кроме звезд, гениальный выскочка больше ничего считать не желал.

– Вы прекрасно осведомлены, мой господин! – Банщик упал коленками на лопатки казначея. Стал умело елозить, исторгая ответные стоны. Издалека это могло бы показаться сценой из малопрстойного спектакля «Любовь земная и небесная». – Из-за печально известной истории с королевой фей и «Паховыми стансами», вызвавшими неудовольствие женщин Народца-Полых-Холмов, сэр Томас был вынужден покинуть Верхний Йо и перебраться к нам. Король, да продлит небо дни Его Величества, приблизил барда: Эдвард II внимает перед сном песням Биннори, а королева Ядвига раз в неделю требует новую балладу о похождениях благородного разбойника Чайльд-Гарольда Пышные Усы.

– А вон та удивительная парочка?

– О-о! Это Рудольф Штернблад, капитан лейб-стражи, и боевой маг Просперо Альраун...

Банщик ладошкой зажал себе рот, словно проговорился о государственной тайне. И быстро поправился:

– Кольраун! Просперо Кольраун, разумеется! Упаси вас Нижняя Мама, мой господин, вслух повторить ошибку глупого банщика...

– Даже учитывая расположение ко мне Его Величества? – Гордость Пумперникеля была увлечена.

– Не мне, маленькому человеку, взвешивать расположение короля и мстительность чародея! Вы же, мой господин, человек большой, вам и карты в руки!

Пропустив шпильку мимо ушей, Август Пумперникель взгляделся. Двое людей, привлекавших внимание казначея, сидели у бассейна с лечебной грязью. Один, расположась на бортике

и свесив тощие ножки в грязь, был мал и щупл, словно принц цветочных эльфов, уместившийся на лепестке тюльпана. Узкие плечи, тоненькие запястья. Ниточки мускулов натянуты кое-как, местами провисая: такая арфа волей-неволей сфальшивит. Рыбий хребет выпирает, грозя порвать кожу на сутулой спине. Копна ярко-рыжих, скорее всего, крашенных хной волос, заплетенная в множество косичек, лишь подчеркивала субтильность телосложения. На лице малыша застыла брюзгливая, обиженная гримаса, словно он только что обнаружил пропажу кошелька. Неподалеку от смешного крошки, за столиком с фруктами, в кресле расположился атлет. Торс, достойный полубога, глыбы бицепсов, броневые пластины грудных мышц. Ноги атлета достойны были попить твердь в день творения мира – и в свое время успешно попирали, ибо скульптор Анджело Яниц, работая над «Зиждителем», в качестве модели выбрал именно сего красавца.

Атлет дремал, прикрыв глаза.

– Маленький и есть капитан Рудольф, – помолчав, добавил банщик как бы невзначай. – А который побольше, это боевой маг Просперо.

Молодой казначей охнул, но не уловки массажиста явились тому причиной.

– Ты рехнулся!

– Если вам так угодно, мой господин.

– Рассказывай!

Вскоре Пумперникель узнал много такого, что в термах Кара-Каллы, кроме собственно казначея, знали все. Например, историю Рудольфа Штернблада, сына гвардейского блиц-прапорщика, в детстве – ребенка скорее породного, чем заморенного скудным питанием, и сразу при рождении записанного в полк. К шестнадцати годам будущий гвардеец подавал большие надежды в искусстве владения алебардой, затем женился по отцовскому велению, зачал даже наследника, но, насмерть обидев отца и юную жену своим поступком, удрал из семьи. Достиг порта, неделю голодал в трюме мирного купеческого драккара «Змей Вод» и, обессиленный, в конце концов ступил на берег острова Гаджамад. Здесь, по слухам, скрываясь от назойливых зевак, обитали мастера школы «Явного Пути» – лучшие из лучших, кобры меж людей, тигры меж ланей, благодаря двум исповедуемым ими принципам. Первый гласил: «Уважение! Враг должен ясно понимать, что ты с ним делаешь!» И, скажем без обиняков, принцип соблюдался неукоснительно: все покойные враги перед смертью обладали необходимыми сведениями в должной мере. Второй же принцип утверждал: «Скромность! Самый великий воин выглядит безобидней мотылька!» Исходя из этой посылки, «явнопутцы» отбирали учеников: желающий присоединиться к ним должен был отыскать на острове самого безобидного человека и уговорить последнего стать учителем новичку. Пылкий Руди, узнав об испытании, провел день в поисках, к вечеру забрел в хижину безрукого старца-рыбака, разбитого параличом. У циновки старца плакал голодный младенец, правнук калеки, но Рудольф наотрез отказался кормить дитя, пока просьба гостя не будет удовлетворена. Всю ночь он сиднем сидел у входа, младенец плакал, потом заснул, потом опять стал плакать, а старик мычал, тщетно пытаясь уползти прочь.

Утром мастер Ша Лац согласился взять нового ученика.

Кто из двоих обитателей хижины был мастером Ша, история умалчивает.

Через двадцать лет в Реттию вернулся новый Рудольф Штернблад – существо комариного телосложения и сварливого, но безобидного нрава. Еще через год, после смерти короля Эдварда I от солнечного удара, бывший принц, а теперь Его Величество Эдвард II включил Штернблада в число личной охраны. Капитанский патент Рудольф получил буквально через месяц, после непродолжительной схватки отправив на тот свет предыдущего капитана – изменника, мздоимца и сторонника династии Лже-Бигорров.

– Надеюсь, что в аду, – злорадно добавил банщик, умашая поясницу казначея медом диких ос, – негодяй, изменивший присяге, обречен вечно терзаться: «Ах, если бы не встречный выпад в кварту! Все могло бы сложиться иначе!...»

– А маг? Просперо Альраун?

Атлет в кресле шевельнулся, словно услышав свое прозвище, но открывать глаз не стал. Все его могучее тело дышало истомой.

– Чш-ш-ш! Ну я же просил вас...

История мага Просперо оказалась куда более прозаичной. Сын Авеля Кольрауна, заклинателя ветров, и Хусской сивиллы, мальчик с ранних лет проявил расположение к боевой магии. Родители много натерпелись с неслухом, ликвидируя последствия его забав и выплачивая компенсацию соседям, пока сам Нихон Седовласец, прослышав о таланте Просперо, не явился в семью Кольраунов. Когда чародей увел нового ученика прочь, соседи устроили праздник; родители же поставили благодарственную свечку Нижней Маме. Чему именно учил Нихон юного сорванца, осталось тайной, но вскоре гробница Сен-Сен стала вновь открыта для богомольцев, ибо там не осталось ни одного демона-людоеда, а некроманты Чурихского замка по сей день восстанавливали сожженную дотла Башню Таинств: отстроенная, в ночь с четверга на пятницу башня опять вспыхивала, сгорая до основания. Так что девственницы Чуриха могли спать спокойно, равно как и мертвецы тамошнего погоста, – некромантам, поглощенным строительством, было не до них.

Подвиги же Просперо на ниве службы Реттийскому престолу служили неисчерпаемым источником вдохновения менестрелей.

Одно было известно доподлинно: сам Седовласец, маг преклонных лет, и в старости был богатырем, всячески добиваясь от учеников мощи телесной. Боевая магия Нихона требовала изрядных сил, которые черпались именно в крепости мышц дельтовидных, икроножных, ягодичных, грудных, широчайших и прочих, а также в упругости суставов и кипении жизненных соков. Дважды в день, на рассвете и на закате, Просперо запирался в комнате для бдений, выходя оттуда еще могучей, чем вошел. При этом накопленную силу следовало расходовать осмотрительно, приберегая для Веерных Заклятий, Поцелуя Судьбы или иной смертоносной магии, – никто не видел, чтобы маг поднял что-то тяжелее кувшина с вином, ускорил шаг или лишний раз пошевелился там, где можно было сохранять неподвижность. Большую часть времени Просперо проводил в креслах и на диванах, в банях и загородных виллах для отдыха, лелея мускулатуру для дел куда более возвышенных, нежели грубая физическая работа. Холостой, бездетный, он очень любил женщин, быстро приходя к соглашению с прелестницами, но ночи любви проводил в расслабленных беседах о пустяках. Не забывая перед разлукой одарить собеседницу наведенными воспоминаниями. «О, Просперо! – только и отвечали дамы на вопросы подруг, сладострастно вздыхая. – О-о! Волшебник!»

– Но почему Альраун?

– Вы погубите нас, мой господин! Ну разве что на ушко...

На ушко выяснилось, что капитан Рудольф и маг Просперо – давние приятели. Бились бок о бок с врагами, мылись плечом к плечу в термах. Подшучивали друг над дружкой. Спотыкались до хрипоты – верней, хрипота была уделом Рудольфа. Просперо голоса не повышал, экономя силы, но и уступать в спорах не желал. Племянница мага вышла замуж за сына капитана. Общий пай в корабельных верфях Турристана. Общий знакомый Томас Биннори, слагавший песни про обоих, – именно бард и пошутил однажды насчет Альрауна. Всем известно, что альраун – корешок мандрагоры, иначе «виселичный человечек», – выкопанный ночью под трупом повешенного, приносит удачу хозяину. Правда, надо уметь выкармливать и ублажать сволочной корешок, потакая капризному нраву, но это дело наживное. Особенно помогает альраун солдатам. Как поется в балладе: «Если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой...» Но «висельник» свободолюбив и всегда норовит сбежать; если же ему это удастся, то корешок

начинает жить собственной жизнью, часто вырастая до вполне человеческих размеров. Таких псевдолюдей сложно отличить от людей, рожденных женщиной. Разве что по их необыкновенной удачливости...

– Вот сэр Томас и предположил смеха ради, что маг Просперо – сбежавший от капитана Рудольфа альраун.

– И что сам Просперо?

– Рассмеялся.

– Так почему ты меня стращаешь?

– Это он сэру Томасу рассмеялся. А ежели вам, господин мой, рассмеется, то может вовсе невесело выйти...

Следующие полчаса массажа были доверху заполнены увлекательными историями. Битва у Семи Зеркал, где Просперо неделю отражал налеты Василиска Прекрасного, с флангов подержанного сворой драконышей, мелких, но гадких; покушение в Брэквудском лесу, когда, заслонив собой Его Величество, капитан Рудольф убедил Дикую Охоту раскаться и отойти в мир иной; поединок мага с Септаграммой Легатов, в результате чего Заклятье Благих Намерений вошло во все учебники по боевой магии; осада Вернской цитадели, после которой благодарные вернцы поставили на площади Свободы конную статую Неистового Руди; туги-гильотины тайком пробираются в дом Просперо, превращая все двери в страшные орудия своего ремесла; Бумажный Всадник преследует Штернблада, охваченного наведенным безумием, в затопленной столице; Шестидневная война, бунт Чистых Тварей, оккупация Летиции, мятеж зомбийского полка копеечников...

И тут казначей не выдержал.

Рассудок, способный без передышки жонглировать цифрами и фактами, размяк в ласковых объятьях дремы, освобождая сердце – сердце мальчишки, талантливого сопляка, лишённого детства волей скопцов-арифметов.

– А если один на другого налезет?! – задумчиво, но очень громко сказал Август Пумперникель. И мигом поправился, соблюдая приличия этикета: – То есть сойдишься они в поединке... Клянусь годовым бюджетом королевства, я бы поставил на капитана!

Атлет в кресле шевельнул уголком рта. Усмехнулся, значит. Малыш у бассейна легко дрыгнул ножкой, разнеся вдребезги угловой изразец. «Глупости», – сказали фрукты в вазе; «Глупости», – подтвердили осколки изразца, и пар над водой сложился в обидный кукиш. Но слово прозвучало. Дурацкое, нелепое слово в колпаке с бубенцами, – оно вприпрыжку забегало по термам, приставая к серьезным людям, к важным господам. «Кто кого?! А вы как думаете: кто кого?!» На миг, но сверкнули глаза. Мимолетно, но языки облизали пересохшие рты. Азарт пропитал воздух, отшибая аромат курений. Взгляды ударили в двоих: кто? кого?! Брови изломались вопросительными знаками: а если?! Пальцы отбили смертельную дробь: а вдруг?!

Первым сдался бард Томас Биннори. Творческие люди, они скатываются в мальчишество быстрее прочих:

– Поддерживаю! На капитана Штернблада!

– Я бы предпочел мессира чародея, – осторожно заметил министр псевдоизящных искусств. – Духовность, она, знаете ли... не чета грубой силе.

– Разумеется, мы рассуждаем чисто гипотетически! – главный королевский хлебодар поклонился сперва капитану, затем магу. Но сам порядок поклонов говорил, на кого поставил бы хлебодар.

– Шпага против посоха? Ставлю на посох!

– Посох веки!

– На шпагу!

Рудольф Штернблад нервно крошил в пальчиках второй изразец, словно краюху хлеба. Крошки он щелчком отправлял на другой конец терм, в отверстие водостока, ни разу не про-

махнувшись. Просперо Кольраун движением ресниц разломил большое краснобокое яблоко на восемь долек. Ваза качнулась, но чародей быстро восстановил равновесие.

Друг на друга оба старались не смотреть.

Задумаешься: «Странная опаска? К чему бы?!» – а там махнешь рукой, плюнешь трижды через левое плечо и бросишь задумываться не ко времени. Во избежание. Потому что внутренний голос, удивительным образом помолодев, спросит: «Слушай, братец... А если?!»

– Ну, допустим, на расстоянии копейного броска...

Капитан Рудольф отломил третий изразец. Щелчком разбил керамическую плитку на пять узких, заостренных полос. Взмах тоненькой ручки, и вся пятерка «дротиков» вонзилась в столик, рядом с которым отдыхал маг, образовав правильную звезду.

Три дротика из пяти плавились, наткнувшись в полете на улыбку Просперо.

Оставшиеся два вибрировали, трескаясь и рассыпаясь.

Зато под доблестным капитаном подломился бортик бассейна, и Рудольф Штернблад рухнул в замечательную, ароматную, крайне лечебную грязь. Казначей зажмурился, ожидая града брызг, но грязь осталась незамутненной. Тельце воинственного крошки сделало в воздухе «мыльную петлю», лапка уцепила противоположный край бассейна, и спустя долю секунды глава королевских телохранителей вновь сидел на бортике как ни в чем не бывало. Единственная грязевая плюха обильно заляпала лицо волшебника, но почти сразу исчезла, а сочная груша в вазе сочла себя летучей, шарахнув Рудольфа в висок. Одновременно Просперо успел сделать особый пасс, накладывая Медленный Заговор. В итоге капитан опоздал увернуться, всего лишь проткнув грушу в полете тычком пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.